

К.Е. Козловский

**События на Волыни
в 1789 году**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К59

К59 **Козловский К.**
События на Волыни: в 1789 году / К.Е. Козловский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 46 с.

ISBN 978-5-458-06237-4

ISBN 978-5-458-06237-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

китантскихъ съ пожами еще больше убѣдилъ пановъ, что Россія намѣрена, во чтобы то ни стало, стереть Польшу съ лица земли. На контрактахъ въ городѣ Дубно, паны, въ бесѣдахъ между собою, очевидно не могли пройти молчаніемъ эти слухи; но, какъ и слѣдовало ожидать, они и понимали ихъ и трактовали о нихъ слишкомъ по своему. Сообразивъ, что тогдашняя война съ Турціею не позволяла Россіи ударить на Польшу, паны рѣшили, что русское правительство хотѣло раздавить Польшу посредствомъ маркитантовъ, тайкомъ, возбужденіемъ на Украинѣ, Волыни и Подоліи новаго крестьянскаго возстанія противъ пановъ. Съ такими же тревожными думами собралось множество пановъ въ февралѣ 1789 г. въ городъ Луцкъ. Въ средѣ ихъ царствовала тревога и самое отчаянное раздраженіе противъ Россіи. Пошли толки и совѣщанія,—что дѣлать, что предпринять для того, чтобы предотвратить грядущую бѣду. Стали наблюдать за маркетантами—что они продаютъ, гдѣ бываютъ, гдѣ останавливаются на почлегахъ. Ихъ товары подвергались тщательному осмотру. Естественно, что при осмотрѣ этотъ оказалось все тоже, что и было прежде; но ножи, предназначенные для хозяйственныхъ принадлежностей, послужили для пановъ доказательствомъ того, что они ввезены на Волынь для рѣзни пановъ. Къ вѣщему ужасу слѣднихъ оказалось, что маркитанты останавливаются преимущественно на ночлегъ у духовныхъ лицъ; ничего не стояло полякамъ вывести отсюда, что, посѣщая духовныхъ лицъ, маркитанты возбуждаютъ ихъ къ бунту, а попы настраиваютъ къ тому же и крестьянъ.

Такимъ образомъ, въ средѣ польскихъ пановъ укоренилась всеобщая вѣра, что скоро должны онять наступить кровавыя дни, героями которыхъ будутъ уже не запорожскіе козаки, какъ прежде бывало, не рыцари обширныхъ украинскихъ степей—гайдамаки, а маркитанты, мирное русское уніатское духовенство и, конечно, крестьяне. Но для того, чтобы разна всегда предотвратить крестьянскіе бунты, паны рѣшились навести

ужасъ и страхъ какъ на крестьянъ, такъ и на русское духовенство.

Въ Варшавѣ въ то время происходило засѣданіе сейма, какъ вдругъ изъ Волыни, одни за другими стали получаться страшныя извѣстія о готовящемся повомъ крестьянскомъ бунтѣ и о разѣзжающихъ по Украинѣ Волыни и Подоліи русскихъ маркитантовъ съ пожами и подговорами поповъ и крестьянъ на новую рѣзню. Не разсуждая долго, сеймъ отправилъ на Волынь распоряженіе, въ силу котораго продовольственная коммиссія, учрежденная изъ помѣщиковъ для опредѣленія цѣны и мѣры продаваемаго жителями русскимъ войскамъ провіанта, обращалась въ слѣдственную и, вмѣстѣ съ тѣмъ, судную. Коммиссіи этой предписано принять нужныя мѣры къ охраненію общественной безопасности и доносить сейму о томъ, что будетъ открыто при слѣдствіи. Этому сеймоваго распоряженія было достаточно для того, чтобы коммиссія, какъ увидимъ ниже, руководимая отцами іезуитами, обратилась въ кровавое судилище, ознаменовавшее свое кратковременное существованіе рѣдкими и безумными въ исторіи челоуѣчества казнями. Что была это за коммиссія, и изъ какихъ людей она была составлена—достаточно указать на такихъ членовъ ея, какъ вѣчно пьяный столярникъ Трёмбовельскій, Каэтацъ Тржебуховскій, или помѣшанный Антонъ Рогозинскій, или же извѣстный разбойникъ Валентій Заленскій, дѣлавшій вооруженныя наѣзды на окрестныя села и разорявшій ихъ, и еще недавно убившій въ селѣ Омеляновкѣ, во время наѣзда, нѣсколькихъ крестьянъ. Такого же закала были и остальные члены кроваваго судилища, назначеннаго для предотвращения крестьянскаго бунта.

Было мало однихъ этихъ распоряженій. Появились въ то же время различныя универсалы, обращенныя къ обызателямъ Волыни, Подоліи и Украины. Первый изъ нихъ былъ универсалъ сеймовой конфедераціи отъ 23 февраля 1789 года, за подписью референдара Станислава Наленчъ-Малаховскаго и генерала артиллеріи Не-

стора Салъги; универсалъ этотъ объявлялъ обывателямъ воеводство Волынскаго, Подольскаго и Бра-славскаго, что на продовольственную комиссію возложено предупрежденіе готовящагося бунта; на основаніи этого универсала паны обязаны, въ случаѣ если крестьяне обнаружатъ мятежные замыслы, или же будутъ дѣлать панамъ какія-либо угрозы, немедленно увѣдомлять ближайшія воинскія команды, для принятія послѣдними нужныхъ въ такихъ случаяхъ мѣръ. За тѣмъ сеймовымъ постановленіемъ того же 23 февраля, запрещенъ былъ ввозъ во владѣнія Польши различнаго рода оружія, и пограничныя команды обязаны были строго наблюдать за тѣмъ, чтобы ни подъ какимъ предлогомъ не проникло оно въ Польшу изъ заграницы (т. е. изъ Россіи). * Комиссія Волынскаго воеводства, дѣятельно съ своей стороны принялась за дѣло уничтоженія предполагаемаго крестьянскаго бунта съ энергіею, достойною лучшаго дѣла. Универсаломъ своимъ отъ 31 марта она указывала помѣщикамъ на тѣ мѣры, какія должны быть приняты ими въ виду этихъ новыхъ кровавыхъ замысловъ маркитантовъ и крестьянъ. Помѣщикамъ предписано немедленно озаботиться о выборѣ жоліѣровъ конныхъ съ мѣстечка—по два человѣка, съ cadaго села, имѣющаго болѣе 30 крестьянъ—по одному; съ сель, имѣющихъ менѣе 30 душъ крестьянъ по одному пѣшему жоліѣру. Жоліѣры эти должны быть надлежаще вооружены, обмуцированы и въ теченіи 8 дней высланы въ распоряженіе комиссіи. Кромѣ того, предписано было арестовывать русскихъ коробейниковъ, разъѣзжающихъ по селамъ, тщательно осматривать ихъ товары; подозрительныхъ представлять въ Луцкъ подъ стражей или же отдавать ближайшимъ воинскимъ командамъ. У крестьянъ должно быть отобрано всякаго рода оружіе. Крестьянъ, заподозрѣнныхъ въ чемъ либо, отсылать къ воинскимъ командамъ, или же увѣдомлять послѣднія о таковыхъ кре-

* Книга гродская луцкая, 1789 г. хранящ. въ Кіевскомъ центр. архивѣ, № 113, стр. 225, и № 119, стр. 339).

стьянахъ; учредить по селамъ присяжныхъ десятниковъ, которые должны денно и пощю осматривать крестьянскія хаты, и въ случаѣ обнаруженія какого либо со стороны крестьянъ мятежнаго замысла, немедленно доносить объ этомъ властямъ. Они обязаны кромѣ того дѣлать осмотръ проѣзжающихъ и проходящихъ людей; подозрительныхъ—останавливать и брать подъ арестъ; дѣла должны быть тщательно осматриваемы, чтобы не укрывались въ нихъ, а равно и въ уединенныхъ хуторахъ, *ультси*. *

За тѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ универсаловъ, касающихся Волынскаго воеводства. Одинъ изъ нихъ предписывалъ панамъ выслать милиціонеровъ въ Луцкъ въ военныхъ мундирахъ, надлежаще вооруженныхъ и снабженныхъ достаточнымъ провіантомъ. Въ милиціонеры должны быть выбраны, кромѣ католиковъ, лютеране, кальвины, каранмы и жиды, исключая русскихъ жителей, которые, „какъ, по выраженію универсала, заподозрѣнные всѣ въ мятежныхъ замыслахъ, должны быть исключены изъ списка милиціонеровъ.“ Другимъ универсаломъ, отъ 31-го марта, призывалась къ оружію шляхта, „которая хотя и не имѣетъ поземельнаго владѣнія, но, по словамъ универсала, соединена съ остальными панами кровью, шляхетскими интересами и страхомъ спасенія жизни“. Эти шляхтичи, какъ сидящіе на чиншѣ, такъ и находящіеся безъ дѣла, не на службѣ, должны были немедленно явиться вооруженные въ Луцкъ, Владиміръ и Кременецъ.

Городъ Луцкъ сдѣлался предметомъ особенной заботливости со стороны комиссіи. Постановленіемъ ея отъ 31-го марта повелѣно: 1) мостъ на рѣкѣ Глушицѣ, находящейся у монастыря Василиановъ, передѣлать въ теченіи недѣли въ подземный; со стороны предмѣстья устроить на немъ заставу и на ночь ее запираеть; 2) приставить ко всѣмъ слѣсарямъ, кузнецамъ и столярамъ стражу; въ мастерскихъ должна быть оста-

* Книга гродская луцкая, 1789 г. хранящ. въ Кіевск. центр. архивѣ, № 259, стр. 26. Wydok przemocy na sła- ba niewinnosc srogo wywartej, Бродовича, часть II, стр. 133).

новлена всякая частная работа, а вмѣсто того должны быть въ нихъ приготовлены копыя для вооруженія всѣхъ жителей города Луцка; 3) Установить таксу на копыя и приказать всѣмъ взрослымъ католикамъ, караимамъ и жидамъ купить, на каждое взрослое лицо, по одному копыю; 4) Разставлять по ночамъ, при вѣздахъ въ городъ, вооруженныя стражи изъ жолнѣровъ, жидовъ и караимовъ; 5) жида, мѣщане и караимы обязаны доставить въ комиссію по 1 ф. пороху и 1 ф. свинцу; 6) у всѣхъ слѣсарей отобрать ружья, чьи бы они ни были, и таковыя сдать въ комиссію; 7) въ базарные дни удвоить стражу; ревизовать всѣ вѣзжающія въ городъ подводы; въ городъ нищихъ не впускать; 8) приказать раввинамъ жидовскому и караимскому, дабы они, подъ строжайшею клятвою, воспретили своимъ единовѣрцамъ продавать крестьянамъ порохъ и свинець; всѣхъ людей, неимѣющихъ опредѣленной работы, изъ города выгнать; 9) Заставить жителей, жидовъ и караимовъ заготовить себѣ продовольствія на два мѣсяца; съ купцовъ, ремесленниковъ, аптекарей и съ мѣщанъ, которые не будутъ отправлять обязанности стражниковъ, взыскать по $\frac{1}{2}$ камня пороху и $\frac{1}{2}$ камня свинцу. * Относительно пановъ, комиссію того же 31-го марта издала распоряженіе, чтобы они собрали огнестрельное оружіе и представили бы списки о его количествѣ; сообразно съ количествомъ оружія дворяне получаютъ порохъ и свинець; оружіе должно быть заряжаемо по ночамъ; за недостаткомъ огнестрельнаго оружія вооружить прислугу копыями, но отнюдь не вооружать *хлоповъ русскаго обряда*; помѣщики обязываются заготовить и представить въ Луцкъ съѣстные припасы. Католическое духовенство тоже обязано доставить въ комиссію порохъ и свинець и вооружить своихъ слугъ, *исключая*, конечно, *людей русскаго обряда*, — изъ этихъ слугъ должна быть составлена вооруженная ночная стража; начальству школъ также приказано воору-

* Книга грод. Луцкая, 1789 г., хранящ. въ Кіев. центр. архивѣ, № 264, стр. 692.

жить взрослыхъ учениковъ и по ночамъ посылать ихъ на стражу; шляхтичи же по очередно должны командовать всѣми этими стражами. *

Изъ глубины Польши шли на Волинь и Подолію жолнѣры, назначенные въ помощь мѣстнымъ командамъ и милиціи для подавленія могущаго будто бы вспыхнуть въ недалекомъ будущемъ крестьянскаго бунта.

Между тѣмъ случилось одно кровавое происшествіе, имѣвшее совершенно исключительный, единичный характеръ, но, тѣмъ не менѣе, подавшее панамъ поводъ думать, что не напрасно они всполошились, и не напрасно создали исторію о маркитантахъ и о новомъ крестьянскомъ бунтѣ.

Въ мѣстечкѣ Невѣрковѣ, Луцкаго повѣта, проживалъ помѣщикъ Игнатій Вележинскій; онъ владелъ какъ Невѣрковымъ, такъ еще и 6 селами въ Луцкомъ повѣтѣ. Изъ крестьянъ своихъ онъ взялъ въ свой дворъ, для услуги, двухъ мальчиковъ; одинъ изъ нихъ, Самко Раковичъ, читалъ книги на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, кромѣ того онъ былъ еще отчасти и артистъ: игралъ на скрипкѣ и рисовалъ. Другой, Семень Рымарчукъ, тоже былъ грамотный и кромѣ того обладалъ вполнѣ *рымарскимъ* искусствомъ. По словамъ акта, составленнаго судебною комиссіею, паны обращались будто-бы съ ними ласково; они получали, опредѣленное жалованье, барскую ливрею и „продовольствіе, приличное ихъ сословію“. Паны, по выраженію того же акта, только запрещали имъ ходить въ корчму и тамъ играть въ карты, а за неусердную службу давали имъ внушенія (?). Однажды Семень Рымарчукъ, за бѣгство и драку съ шляхтичемъ Юсифомъ Бѣлинскимъ, былъ высѣченъ розгами. Спустя немного времени, эти дворовые просили пана Вележинскаго отпустить ихъ съ панскаго двора; Вележинскій ихъ не отпустилъ, — тогда они рѣшились убѣжать. Надо думать, что на это они рѣшились вовсе не изъ того, чтобы имъ въ панскомъ дворѣ было хорошее, или, по

* Книга гродская Луцкая, 1789 г., хранящ. въ Кіев. централ. архивѣ, № 265, стр. 34.

крайней мѣрѣ, сносное житье; что, во всякомъ случаѣ, къ этому побудило ихъ то варварство которымъ запечатлѣны были всегда отношенія польскихъ пановъ къ русскому хлопцу; что самъ Вележинскій не могъ быть исключеніемъ изъ семьи родственныхъ ему, по отношенію къ крестьянской массѣ, пановъ. Рѣшившись убѣжать, вышеупомянутые Раковичъ и Рымарчукъ, задумали въ тоже время отплатить за *благодѣяніе* польскаго пана, т. е. перерѣзать своихъ благодѣтелей—пановъ. Въ ночь съ 30 на 31 марта, дождавшись когда въ панскомъ домѣ все уснуло они вошли съ топорами въ спальню Вележинскаго и чрезъ нѣсколько мгновеній панъ и жена его были убиты; въ дѣвчечьей спало пять человекъ; такъ какъ они могли быть свидѣтелями преступленія, то рѣшили и съ ними покончить, т. е. перерѣзать ихъ, что и было немедленно исполнено. За тѣмъ, собравъ деньги и различныя драгоценности, и смывъ кровь съ своей одежды, отравились спать. На другой день, утромъ, убійцы были арестованы и отправлены въ Корецкую тюрьму. Скоро явилась и судебная коммиссія, предъ которой убійцы вовсе не заирались и сознались въ своемъ преступленіи. Судъ, приговоромъ своимъ отъ 16 апрѣля, опредѣлилъ: такъ какъ они, *не смотря на право Божеское и религію*, осмѣлились поднять руку на своихъ пановъ, то „обмотать руки убійцъ пенькой, облить ее смолой, зажечь и въ такомъ видѣ вести ихъ на мѣсто преступленія, въ мѣстечко Невѣрковъ; по прибытіи въ это мѣстечко — выдрать изъ тѣла каждаго изъ нихъ по три полосы, за тѣмъ—тѣми же топорами, которыми они убили своихъ пановъ, переломать кости ниже колѣнъ, а потомъ обезглавить и тѣла четвертовать; отрубленные головы воткнуть на колья около Невѣркова, а куски тѣлъ развѣшать около близъ лежащихъ городовъ, на висѣлицахъ, на которыхъ они должны висѣть до тѣхъ поръ, пока сами не отпадутъ.

Эта ужасная казнь была исполнена въ Невѣрковѣ палачомъ, нарочно для этого привезеннымъ изъ Дубна. Но одной этой казнью не окон-

чилось это дѣло:—слугъ другихъ Тараса, Филипа и мальчика Максима присужденно наказать розгами—первыхъ двухъ 50-тью ударами, и Филипа 10-ю ударами, такъ себѣ ни за что ни про что, но, по словамъ официальнаго акта за то, что не доносили панамъ о рѣчахъ, которые вели прежде между собою убійцы; шинкаря Игната, дядю Рымарчука за то, что пускалъ къ себѣ въ домъ убійцъ пить и играть въ карты—къ 100 ударамъ розгами, и, кромѣ того, всѣхъ четырехъ, съ согласія наслѣдника имѣнія убитаго Вележинскаго, въ вѣчные солдаты, хотя судъ и признаетъ при этомъ, что въ вышеозначенномъ преступленіи они не принимали ни малѣйшаго участія. Лакей Иванъ Высоцкій за то, что, будучи пьянымъ, уналь и окровавилъ себѣ ногу, и тѣмъ самымъ попалъ въ подозрѣніе коммисіи, наказанъ 30-ю ударами розогъ. Что же касается до громады имѣній Невѣрковскаго ключа, то она признана судомъ ни въ чемъ невинною и освобождена отъ всякаго подозрѣнія. *)

Этого происшествія, вкривь и вкосъ объясняемаго, достаточно было, чтобы окончательно взволновать пановъ. Лишь только пронесся слухъ объ убійствѣ Вележинскаго, какъ паны въ одинъ голосъ заговорили, что крестьянскій бунтъ уже запылалъ и убійство въ Невѣрковѣ было будто бы предверіемъ новаго, страшнаго мятежа. Помѣщики съ своими семьями стали бросать свои имѣнія и скоро множество ихъ столпилось въ городахъ Дубно и Луцкѣ. Пришли наконецъ вызванные изъ глубины Польши жолнеры и расположились въ Луцкѣ, Кременцѣ и Владимірѣ. Въ тоже время начались аресты. Миліонеры ловили маркитантовъ, отбирали отъ нихъ деньги, товары, сажали въ тюрьмы; начали брать также подъ стражу и этихъ вѣчныхъ страдальцевъ—крестьянъ. въ чемъ либо заподозрѣнныхъ, ихъ забивали въ колодки и бросали въ тюрьмы. Для лучшаго и скорѣйшаго отправленія судебныхъ дѣйствій, Коммиссія раздѣлилась на двѣ части: одна изъ нихъ расположилась въ

* Книга гродская Луцкая, 1789 г., хранящ. въ Киевскомъ центральномъ архивѣ, № 392, стр. 833.

Дубнѣ, другая въ Лупкѣ, и, кромѣ того, было еще учреждено отдѣленіе суда въ Кременцѣ.

Скоро заподозрѣнныхъ въ затѣвавшемся бунтѣ крестьянскомъ бунтѣ оказалось весьма много; но и за обвинителями не стало дѣло. Первая явилась къ суду, въ качествѣ обвинительницы, пани Прушинская, помѣщица села Куриловки. Оказалось, что на прошедшихъ рождественскихъ праздникахъ молодые крестьяне пришли, по обычаю, въ ея господскій дворъ *колядовать*. Было уже поздно вечеромъ, когда они грянули подъ окнами панскаго дома колядные пѣсни; пани перепугалась и велѣла разогнать колядовавшихъ крестьянъ палками, что и было немедленно исполнено. Избитые и возмущенные этимъ поступкомъ Прушинской крестьяне сказали про себя: „яка-жъ не ласкава пани наша! Треба-бъ пустыть на неѣ сына *Гонты*, щобъ научивъ ѣѣ обходитця зъ людьми полюдски!“ У крестьянъ была въ то время крѣпкая вѣра, что сынъ замученнаго поляками послѣ Коливщины, Гонты, этого колосальнаго витязя крестьянскаго возстанія 1768 года, существуетъ, и что будто представлялся онъ Императрицѣ Екатеринѣ II и просилъ се позволить ему отомстить за кровь своего отца. Подавленные и замученные крестьяне, не видя рѣшительно ни откуда исхода изъ своего бѣдственнаго положенія, естественно держались крѣпко этой вѣры и на ней тецерь сосредоточивались всѣ ихъ надежды, все ихъ упованіе!— Придетъ сынъ Гонты и отомститъ и за кровь своего отца, и за наше горе!—такъ думали эти вѣковые горемилки-крестьяне; но крѣпко же и пришлось неплатиться имъ за эту думу! Заявленія пани Прушинской было достаточно, щобъ уже окончательно перенугать судебную комиссію. Немедленно, по ея распоряженію, схвачено было нѣсколько десятковъ крестьянъ и привезено въ Дубно. На судѣ онѣ объявили, что не знаютъ никакого сына Гонты, но что если упомянули объ немъ, то это случилось подъ вліаніемъ валоchnой награды, которыми угостила ихъ Прушинская за колядки на святкахъ. Не смотря на то, что изъ слѣдствія не оказалось ни малѣйшихъ признаковъ

бунта и противъ крестьянъ не было представлено даже самыхъ ничтожныхъ уликъ къ ихъ обвиненію, судебная комиссія произнесла замѣчательно варварскій приговоръ, по которому тринадцать человекъ были приговорены къ смертной казни, и однимъ изъ нихъ были отрублены головы; другіе же были повѣшены; затѣмъ остальные крестьяне были жестоко высѣчены у поворота столба, и отправлены обратно въ Куриловку, гдѣ, въ видахъ устрашенія другихъ крестьянъ были еще вновь высѣчены. Эта казнь и это изтязаніе крестьянъ совершилось, предъ самою Пасхой. И такимъ то печальнымъ образомъ, подлѣлись несчастныя Куриловскіе крестьяне за то, что своею колядкою потревожили спокойствіе вельможной пани Прушинской.

За Прушинской явился въ судъ съ обвиненіемъ крестьянъ въ бунтѣ Францишекъ Вильчинскій, посесоръ имѣнія Любча, принадлежащаго князю Воронцову, Вильчинскій, изъ мести къ крестьянамъ за то, что они о еѣ злоупотребленіяхъ по посесіи доносили владѣльцу князю Воронцову, рѣшился обвинить нѣкоторыхъ изъ нихъ, которіе были по богае, въ томъ, что они буйны, не послушны ему, держатъ у себя порохъ, оружіе, что даже на своего собственнаго поца будто-бы дѣлаютъ какія то угрозы. Въ этомъ обвиненіи была доля правды, заключавшаяся только въ томъ, что крестьяне дѣйствительно имѣли порохъ и оружіе, что, впрочемъ не давало поводъ думать о томъ, что оружіе приготовлено для бунта; имѣніе Любчи находилось на Полѣсѣ, въ громадныхъ лѣсахъ котораго крестьяне охотились за всякаго рода звѣрями, и потому, какъ оружіе такъ и порохъ, исключительно по едназначались для охоты. Тѣмъ не менѣе, Вильчинскій, въ своемъ обвиненіи, ударилъ прямо на этотъ пунктъ, и оговоръ свой подтвердилъ присягой. Тотчасъ же посланы были въ Любче милиціонеры, которіе, схвативъ обвиненныхъ крестьянъ, забили ихъ въ оковы и, вмѣстѣ съ найденнымъ у нихъ оружіемъ, привезли въ Лупкѣ.

Послѣ недолгихъ распросовъ одинъ крестьянинъ былъ повѣшенъ; отецъ его, имѣвшій бодѣ

80 лѣтъ, умеръ въ тюрьмѣ отъ голода и холода; трупъ его былъ освобожденъ отъ оковъ уже послѣ смерти, привезенъ къ церкви и тамъ погребенъ русскимъ священникомъ. Для остальныхъ сыновей этого несчастнаго старика, а равно и для другихъ за арестованныхъ крестьянъ выдуманно было замысловатое наказаніе: декретомъ комиссій повелѣно наказывать ихъ на всемъ протяженіи пути отъ Луцка до Любча. На этомъ пути находились села: Яровицы, Вышковъ, Липляны, Жидичинъ, Колчинъ, Рудня, Рожище, Козинъ, Рудка, а затѣмъ Любче. Во всѣхъ этихъ селахъ устрашенія крестьяне, ради своихъ собратій, должны были наказываемы посредствомъ милиціонеровъ. Сто ударовъ долженъ былъ вынести въ каждомъ селѣ каждый крестьянинъ; во всѣхъ же селахъ на несчастнаго крестьянина приходилось по тысячѣ и сто ударовъ.

Черезъ недѣлю, по приговору комиссій, повѣшены были двое крестьянъ: одинъ кузнецъ изъ села Квасова, другой крестьянинъ изъ Острожца; они оказались виновными въ произнесеніи опять таки непріятныхъ для пановъ рѣчей въ пьяномъ видѣ. Такая же участь и тоже *за слова* ожидала крестьянина изъ села Кроватки; но комиссія, принявъ во вниманіе его многочисленную семью, которая, въ случаѣ его казни, могла бы умереть съ голоду, опредѣлила, вмѣсто смертной казни, отрубить ему правую руку и прибить ее къ столбу; но и это не помогло горю, крестьянинъ черезъ недѣлю умеръ, а семья конечно, должна была, на всегда голодать.

До сихъ поръ въ этой несчастной драмѣ играли главную роль съ одной стороны палачи—вельможные паны, съ другой—мученики крестьяне; но вотъ на сцену является духовное лицо дьячекъ Семень Яроцкий, изъ села Жукова, изъ подъ Клевани. На него пало обвиненіе, что онъ, напившись пьянымъ, вздумалъ по хатѣ танцевать, и танцуя будто бы приговаривалъ, какъ будетъ онъ рѣзать ляховъ и жидовъ. За это рѣшено его повѣсить. Казнь была совершена на другой день послѣ казни крестьянъ Воронецкаго. Это было первое духовное

лицо, казненное за слова, произнесенные въ пьяномъ видѣ; но за нимъ идетъ уже цѣлая вереница русскихъ униатскихъ священниковъ утратившихъ свою жизнь по милости этого кроваваго польскаго страшнаго судилища.

II.

Прежде чѣмъ мы будемъ говорить о бѣдствіяхъ, постигшихъ униатское духовенство въ 1789 году, мы считаемъ остановиться нѣсколько подробнѣе на его судьбахъ, какъ онѣ сложились благодаря іезуитамъ, устроившимъ эту несчастную унию.

Эти судьбы униатскаго духовенства во второй половинѣ XVIII в. были въ высшей степени печальны. Соединенное съ католическимъ населеніемъ извѣстными сторонами обряда, униатское духовенство постепенно теряло подъ собою народную почву, пока не очутилось между двухъ огней: съ одной стороны католическіе паны и, конечно, ксендзы, послѣдніе въ силу своихъ вѣковыхъ іезуитскихъ традицій,—всѣ они вообще не могли ни вѣрить униатскому духовенству, ни уважать его, ибо оно, при всей двусмысленности роли, созданной исторіей, все таки было русское, связанное съ остальнымъ русскимъ православнымъ людомъ единствомъ языка, обычая, цѣлымъ складомъ жизни, воспоминаніями о лучшихъ дняхъ, когда не было еще этого раскола, подѣлившаго народъ на православныхъ и униатовъ, а были всѣ равныя между собою дѣти одной матери. Съ другой стороны униатское духовенство было предметомъ презрѣнія и ненависти православнаго населенія: для послѣдняго съ словомъ униать, соединялось понятіе о вѣроотступникѣ, отщепенцѣ отъ вѣры предковъ, измѣнникѣ народу и его исторіи. Народъ не могъ не сознавать, что появленіе въ его жизни униатства сопровождалось усиленіемъ тѣхъ ужасовъ, которые занесены были въ Западно-русскую жизнь польско католическимъ элементомъ, и что всегда униатство, волей неволей, служило іезуитскимъ цѣлямъ—посредствомъ укрѣпленія на русской землѣ польскаго господства—погубить русскую народность. Потому то, во всѣхъ народныхъ возстаніяхъ, во весь періодъ козацкихъ войнъ народъ одина-

ково ожесточенно относился и къ польскому пану, ксендзу и жиду, и къ уніятскому священнику: между ними не дѣлалось никакого различія и одинаковая кара постигала ихъ. Такъ послѣ усмирения возстанія 1768 года, вотъ что говорило въ своемъ универсалѣ уніятское духовенство въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ: „пораженное страхомъ жестокаго мученія отъ взбунтовавшаго гайдамачества и страхомъ тиранской смерти, подобной той, кака я выпала на долю *нашихъ собратій*, изгнанные изъ домовъ и маетностей нашихъ, разсѣянные по разнымъ мѣстамъ, по чужимъ домамъ, скрываясь въ ямахъ, подвалахъ, темныхъ лѣсахъ, топяхъ и болотахъ, а нѣкоторые и до сихъ поръ скитаюсь въ странахъ Россійской, Татарской и Молдавской, теперь недавно по крайней мѣрѣ нѣсколько успокоенные, послѣ того какъ войсками императрицы и нашего короля пылавшій гайдамацкій пожаръ нѣсколько потушенъ, мы прибыли въ свои дома, а другіе, по причинѣ еще не совсѣмъ погасшаго того огня, на Волыни помѣщаются и живутъ подаяніемъ.“ *

Таковы были отношенія крестьянскаго православнаго населенія къ уніятскому духовенству. Не менѣе враждебны были и отношенія къ нему православнаго духовенства. Въ договорѣ, заключенномъ въ 1768 г., между Россією и Польшей, указано было на несправедливое занятіе въ различное время католиками православныхъ храмовъ. Договоромъ этимъ постановлено, что храмы эти должны быть возвращены первоначальнымъ своими владѣльцамъ. Православные священники, до сихъ поръ страшно униженные и поработенные, опираясь на покровительство, оказываемое ему русскою императрицей, взялись смѣло за это дѣло тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ сопротивленія со стороны ксендзовъ или пановъ, могли находить себѣ легко поддержку въ русскихъ военныхъ командахъ, находившихся тогда въ Польшѣ. Весьма вѣроятно, что при этомъ не обошлось безъ нѣкоторыхъ неприятностей; что, словомъ, при отобраніи отъ уні-

* Widok przemocy na slabo niewinnosc srogo wywartej, przez Brodowicza, Lwow. 1862 г. приложение А.

ятовъ православныхъ церквей, строгая справедливость не могла не быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ нарушена. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, если принять во вниманіе страшное въ то время возбужденіе страстей: для православнаго духовенства покровительство Россіи, выразившееся весьма определенно и рѣшительно въ договорѣ съ Польшей 1768 г., подало великія надежды избавиться на всегда въ близкомъ будущемъ отъ инквизиторскихъ отношеній къ нему ксендзовъ и пановъ, и послѣдніе — въ этомъ актѣ не могли не увидѣть, что участіе Русской императрицы, оказываемое православному населенію, все болѣе и болѣе крѣпило и входило въ сознаніе православныхъ, для которыхъ въ это время, послѣ вѣковыхъ униженій и гнета, вновь блеснулъ лучъ надежды — избавиться отъ ляхско-ксендзовской неволи. Естественно, что подъ влияніемъ этого покровительства, примѣненіе къ дѣлу договора 1768 г. при помощи русскихъ солдатъ не могло не обойтись безъ нѣкоторыхъ враждебныхъ столкновеній, и даже насиліемъ надъ духовенствомъ уніятскимъ. Вотъ что писали уніятскіе священники въ числѣ семидесяти человѣкъ къ папскому Нунцію въ Варшавѣ скоро послѣ заключенія договора 1768 г.: „православные священники, взявъ съ собою Московскихъ солдатъ, напали на наши приходы, принуждая безъ отговорокъ къ отреченію отъ святой уніи. Но когда, по милости Божіей, мы отказались ихъ слушаться, то они не задумались за это насъ и множество братій нашихъ, однихъ — обременять позными колодками, другихъ — жестоко бичевать, иныхъ — гнать пѣшкомъ, и, наконецъ, всѣхъ заключить въ тюрьмы, въ которыхъ иные шесть, а другіе десять и болѣе недѣль томятся голодомъ, стужею и прочими тягостями. Церкви же наши, разбивъ у нихъ двери топорами, они присвоили себѣ и сдѣлали такъ, что къ этимъ церквямъ, переяславскій епископъ, дизунить, посвятилъ, и злоумышленно, безъ всякаго вѣдома патроновъ церковныхъ, устроилъ при нихъ *мужицкихъ сыновей*, едва умѣющихъ читать, и самаго дурного образа жизни.“ *

* Brodowicz, приложение Д.

Отношеніе пановъ—католиковъ—къ уніятскому духовенству залечатѣльнъ характеромъ въ высшей степени жестокимъ и оскорбительнымъ. Означательно или безсознательно, но поляки всегда подозревали уніятское духовенство въ соучастіи въ гайдацкихъ бунтахъ. Такъ въ 1768, предводители Барской конфедераціи Красинскій и Пулавскій, прямо обвинили духовенство въ подстрекательствѣ крестьянъ къ бунту. Въ письмѣ своемъ къ Луцкому уніятскому епископу они говорятъ, что духовенство Луцкой уніятской епархіи, по внушенію враговъ отечества, пылая непримиримою ненавистью противъ римскаго вѣроисповѣданія, злоупотребляетъ *тайнствомъ исповѣди* для святотатственного возбужденія крестьянъ противъ пановъ и жидовъ, чтобы черни, отъ такого варварства сдѣлавшейся звѣриной, пришедшая въ замѣшательство отчужденная, досталась какъ жертва грабежа, издавна умышляющему его погибель врагу*.

Но независимо отъ этихъ обвиненій, уніятское духовенство постоянно было со стороны пановъ поругиваемо и оскорбляемо въ самыхъ священныхъ и дорогихъ своихъ правахъ. Современникъ и очевидецъ событій 1789 г. Бродовичъ въ числѣ многихъ примѣровъ возмутительнаго обращенія съ уніятскимъ духовенствомъ, приводитъ между прочимъ, слѣдующее: каштелянъ Кіевскій Стадницкій приказалъ какъ крестьянамъ своимъ, такъ и священникамъ своихъ имѣній возить его хлѣбъ къ Днѣстру на пристань; одинъ изъ священниковъ протестовалъ противъ такого оскорбленія своего сана довольно оригинальнымъ образомъ: онъ повезъ панскій хлѣбъ въ полномъ церковномъ облаченіи. Въ началѣ волненій на Волини въ имѣніи Краковскаго каштеляна князя Яблоновскаго, по приказанію послѣдняго священники отправляли лично почтовую гошбу. Это одни изъ тысячи другихъ безпримѣрнаго въ исторіи униженнаго положенія духовенства, во всемъ униженнаго и во всемъ пренебрегаемаго. Подъ гнетомъ такихъ душу раздирающихъ, безотрадныхъ картинъ, тотъ же современникъ,

* Brodowicz. Приложение С. 10.

Бродовичъ, бывшій въ то время кафедральнымъ протоіереемъ въ Луцкѣ, и officialомъ Луцкаго епископа, на котораго мы уже выше ссылались, чрезвычайно вѣрно и рельефно опредѣлил судьбу уніятвъ въ слѣдующихъ знаменательныхъ словахъ: „Странное дѣло, не въ одной только Польшѣ, а вездѣ, гдѣ только существуютъ уніаты, ихъ подавляютъ, ими пренебрегаетъ католичество. Знай, восклицаетъ Бродовичъ,—знай Русинъ соединенный съ Римскою церковью и навсегда удаленный отъ пользованія въ отечествѣ своемъ законами, свободой и правами,—знай, что напрасны твои старанія доказать твою вѣрность, послушаніе и вѣрноодданничество. Напрасно, въ доказательство твердости своей въ правилахъ уніи, ты отдаешься въ рабство и готовъ, не только имущество, но и жизнь потерять: никто тебѣ не повѣритъ! Поляки будутъ тебя преслѣдовать, предполагая въ тебѣ склонность къ Москвѣ, а Москва станетъ дѣлать точно тоже, потому что ты уніятъ; да и тѣ самые которые освободили тебя въ 1773 году изъ тюремнаго заключенія (римское духовенство), станутъ тебя при всякомъ подозрѣніи, какъ и въ нынѣшнемъ (1789 г.), запереть въ тюрьмы, пытать и казнить, оказывая тебѣ только то снисхожденіе, что ты погибнешь не отъ посторонней руки, а отъ руки соотечественника“.... „Что же за причины такой—ничѣмъ не побѣдимой, ничѣмъ не ослабляемой ненависти къ тебѣ, несчастный Русинъ? говоритъ далѣе Бродовичъ. Развѣ только одно, что ты хотя и соединенный, но все таки остаешься вѣтвю того дерева, въ самомъ корнѣ котораго замѣтили отраву. Ты уже по квашенной просфорѣ принадлежишь къ восточной церкви, которая нѣкогда рѣшилась состязаться съ западною...., И это твой самый непростительный грѣхъ, грѣхъ болѣе предъ лицомъ свѣта, чѣмъ грѣхъ первородный предъ ликомъ Божиимъ, и грѣха этого ты не загладишь ни крещеніемъ, ни покаяніемъ, ни даже отъѣною своихъ старинныхъ церковныхъ обрядовъ.“

Такое безчеловѣчное преслѣдованіе несчаст-

наго униатскаго духовенства въ средѣ поляковъ было давно уже возведено въ строгій и опредѣленный принципъ. И въ школахъ, и въ самой жизни одно и тоже говорилось, что униатъ-русскій, котораго нужно угнетать и преслѣдовать, преслѣдовать до тѣхъ поръ, пока униатъ, какъ русскій, окончательно не сдѣлается полякомъ-католикомъ. Въ школахъ, которыми въ то время завѣдывали иезуиты и пiarиты, и гдѣ воспитывались наряду съ католиками и дѣти униатскихъ священниковъ, по словамъ Бродовича, всегда можно было встрѣтить такую сцену: „Какъ называется ксендзъ по латыни?—спрашивали дѣти у своихъ наставниковъ—иезуитовъ.—Sacerdos, отвѣчали послѣдніе. А какъ попъ?—Sacrificulus.“ Такимъ образомъ еще съ дѣтскаго возраста иезуиты сѣяли въ молодыхъ сердцахъ сѣмена безусловнаго отреченія отъ русской народности. Но въ XVIII в. напоръ иезуитскихъ традицій на судьбы нынѣшняго юго-западнаго края не ограничивался уже только одной школой: все, что было католическаго, ведомаго преступною рукою ксендза—иезуита, все ополчилось, чтобы въ униатствѣ исчезъ и самый слѣдъ принадлежности къ русской народности. Такъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія Волынское дворянство, двѣ трети котораго по происхожденію принадлежало къ стариннымъ русскимъ родамъ, обратилось къ Варшавскому сейму съ самымъ рѣшительнымъ требованіемъ, чтобы совсѣмъ уже не было униі, а чтобы все, что есть русскаго, было бы немедленно поглощено католицизмомъ. Выраженіемъ этого стремленія поляковъ „Голосъ обывателей воеводствъ и уѣздовъ русскихъ къ собравшимся на сеймики и къ чинамъ на сеймѣ“ 1786 г. Этотъ „голосъ“ заключающій въ себѣ соображенія какъ лучше и удобнѣе истребить въ областяхъ рѣчи-посполитой униатство, въ многочисленномъ количествѣ экземпляровъ былъ распространенъ какъ между ксендзами, такъ и между помѣщиками-католиками, и по своему характеру онъ составляетъ извѣстнаго рода политическій катехизисъ, которому въ то время католики слѣпо вѣровали и съ фанатиз-

момъ ему слѣдовали. Въ этомъ „голосѣ“, прочимъ говорится, что „важныя причины побуждаютъ замѣнить совершенно русскій обрядъ латинскимъ, чтобы ничего русскаго уже болѣе не оставалось въ Подльшѣ.“ И за тѣмъ, въ виду того, что въ русскихъ воеводствахъ и повѣтахъ паны и шляхта обряда католическаго, а ихъ крестьяне—русскаго, что дѣлаетъ значительную разницу въ обрядахъ, весьма неудобную для интересовъ пановъ, иезуитскій „голосъ“ совѣтуетъ имѣвшему скоро собраться въ Варшавѣ сейму употребить самыя энергическія мѣры къ тому, чтобы уже не было въ рѣчи-посполитой никакихъ различій между католическимъ и униатскимъ обрядами. Это возмутительный совѣтъ „голоса“ формулированъ слѣдующими словами: „Единомысліе членовъ Вселенской Христовой Церкви составляетъ вѣнецъ Евангельскаго ученія, столбъ истинной религіи, залогъ вѣчнаго спасенія, напоминаніе о томъ плѣнительномъ согласіи, которое ожидаетъ насъ безъ конца въ будущей жизни. Каждый, кто только имѣетъ честь носить званіе дворянина, имѣетъ какое либо значеніе, засѣдаетъ въ совѣтѣ, пользуется духовною, или свѣтскою властію, обязанъ заботиться—распространять и сохранять такое единодушіе. Съ немалымъ душевнымъ прискорбіемъ должно признаться, что въ нашихъ областяхъ *этотъ союзъ единенія* не рѣдко нарушаютъ два обряда одного и того-же вѣроисповѣданія, Римскій и Русскій, а необразованность русскихъ приходскихъ священниковъ и разность обрядовъ навлекаютъ презрѣніе простого народа на тотъ и другой. Русское духовенство умѣетъ искусно распространять то ложное убѣжденіе, что переходъ изъ русскаго обряда въ римскій имъ не дозволенъ; рассказы объ этомъ плодятъ пустые слухи, отъ чего латинскій обрядъ приходитъ въ сомнѣніе и пренебреженіе у простодушныхъ. Самое же русское духовенство, будучи недалекимъ въ наукахъ, и не отличающійся добродѣтелями, приличными духовному сану, часто бываетъ для народа примѣромъ соблазна, бросающимъ тѣнь и на самый обрядъ. Отъ этого па-

даетъ позоръ, по винѣ русскаго духовенства, на оба обряда. Какое послѣдствіе оттуда вытекаетъ, каждый легко пойметъ. Теперь нѣтъ уже болѣе, какъ было прежде, людей высшаго происхожденія въ русскомъ обрядѣ. Высшее и нисшее дворянство этого обряда, бывши православнымъ, въ послѣдствіи оставило этому расколъ и приняло унию, съ цѣлю облегчить тѣмъ себѣ переходъ въ нѣдра латинской церкви, и это сдѣлало оно съ такою охотою, что въ нынѣшнее время едва ли кто изъ дворянскихъ родовъ принадлежитъ еще къ русскому обряду. Самое большое число онаго составляютъ поселяне, и то не по своей воли, но отъ дурнаго порядка дѣлъ и невѣдѣнія; далѣе, небольшая горсть бѣдняковъ, ищущихъ вступить въ духовное званіе въ русской церкви. Если же русскій обрядъ удержался только между простонародіемъ, находящимся подъ властію господъ римскаго обряда, то нѣтъ никакого повода бояться отщепенства. Никогда простой деревенскій людъ не былъ падохъ къ расколу. Этотъ послѣдній всегда шелъ отъ лицъ духовныхъ и богатыхъ пановъ, поддерживающихъ ихъ. Изъ теперешнихъ нашихъ гражданъ ни одинъ не сгнетъ благоприятствовать расколу, напротивъ, скорѣе будетъ удерживать отъ него жителей селъ и ихъ священниковъ, если-бы тѣ и другіе склонялись къ оному. И такъ, важныя причины требуютъ русское исповѣданіе совершенно замѣнить латинскимъ, и притомъ до такой степени, чтобы и помину не было о немъ въ нашемъ краѣ. Причины же эти суть: согласіе въ единомысліи, соблюденіе праздниковъ и постовъ, освобожденіе поселянъ отъ бѣдности, заселеніе края. О согласіи нѣтъ надобности распространяться; извѣстно, какъ часто происходятъ несогласія отъ разности вѣроисповѣдныхъ обрядовъ. Соблюденіе праздниковъ и постовъ производитъ теперь большой безпорядокъ въ нашей землѣ. Извѣстно, что мелкое и высшее дворянство въ русскіихъ воеводствахъ и уѣздахъ болѣею частью латинскаго обряда, крестьяне же ихъ—Русскаго. Того и другаго вся прислуга состоитъ изъ крѣпостныхъ. Поварь, слуга, кучеръ, пахарь—

Русскіе, у которыхъ праздники и посты совсѣмъ не тѣ, что у пана ихъ. Какое замѣшательство! У пана святая, а у слуги только что прошла масляная; у пана праздникъ, у слуги будень; у пана постъ, у слуги, или даже всей прислуги, сплошная; и наоборотъ, у слуги чистый четвергъ и страстная пятница, у пана-жь Вознесеніе Господне; у прислуги праздникъ, а у пана ни поста ни праздника. Присоедините къ этому *бѣдность и нужды простонародья, происходящая отъ такого множества праздниковъ по Русскому обряду.* Въ этомъ послѣднемъ такъ много праздниковъ, что самые попы ихъ не знаютъ всѣхъ; одинъ объявляетъ праздникъ, а другой утверждаетъ противное. Отъ того въ одномъ приходѣ работаютъ, а въ другомъ праздничаютъ. Случается и такъ, что на одной и той же недѣлѣ бываетъ по три, даже по четыре, праздника: гдѣ же тутъ мужику заработать на пана и себя? Отсюда неминуемо должны происходить бѣдность, недостатокъ, нужда. Да и когда эти дни, почитаемые ими праздничными, считались такими? Притомъ народъ вовсе не боится и не уважаетъ своихъ поповъ, въ церковь не ходитъ къ обѣдни, наставленіи духовныхъ не слушаетъ, и больше всего занимается лежаніемъ на боку да праздноствіемъ. Представить себѣ нельзя какой вредъ отъ того для общества!

Отъ недостатка плохая помощь, отъ слабости болѣзни, а отъ частыхъ болѣзней смерть прежде времени, отъ чего малолюдность въ государствѣ. Причиной же того неумѣренная ревность къ сохраненію многочисленныхъ праздниковъ. Этому не требуютъ ни Святой Іоаннъ, ни святой Николай ни святой Георгій, т. е. чтобы нѣсколько дней въ году праздновалось въ честь ихъ. Святые скорѣе желаютъ, бы люди трудились и, держа себя дѣломъ рукъ своихъ, славили творца и служили ему искренно производительностію своею. Эти немногія соображенія показываютъ, какъ необходимо государственнымъ чинамъ, собравшимся теперь на Сеймъ, позаботиться о томъ, *чтобы какъ можно скорѣе произошло соединеніе Русскаго обряда съ*